

A surreal landscape featuring a grand piano perched on the edge of a rocky cliff. The background consists of jagged, snow-capped mountains and a dense forest of green trees. The sky is a vibrant green, filled with swirling clouds and two large, glowing planets or moons. The overall atmosphere is dreamlike and ethereal.

**КОСМИЧЕСКАЯ
ОПЕРА**

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Космическая опера

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Космическая опера / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981748-8

Богатая и влиятельная дилетантка финансирует галактическое турне оперной труппы землян, исполняющих Бетховена, Моцарта и Россини перед ошеломленными аудиториями инопланетян и матерых преступников на калейдоскопически разнообразных планетах. «Космическая опера» — одна из самых забавных новелл Джека Вэнса, заставляющая читателя не только смеяться, но и задумываться над наблюдениями знаменитого писателя, проницательно подмечающего нелепости человеческих заблуждений, любви и оперных либретто.

ISBN 978-5-44-981748-8

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	17
4	21
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Космическая опера

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2020

© Александр Фет, перевод, 2020

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-1748-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Сидя в глубине ложи своей тетки в театре «Палладион», Роджер Вул налил себе третий бокал шампанского. Будучи занята разговором с двумя гостями, леди Изабель Грэйс ничего не заметила, и Роджер откинулся на спинку кресла с приятным ощущением хорошо сделанного дела.

До начала представления оставалось пять минут. В воздухе, напоенном золотистым светом люстр, ощущалось напряжение восхищенного ожидания. После триумфального кругосветного турне «Девятая труппа» с планеты Рлару наконец выступала в «Палладионе». Ее необыкновенные программы заслужили всеобщую известность – на Земле еще никогда не видели ничего подобного: одни номера вызвали мечтательное очарование, смешанное с сожалением, другие наполняли душу почти паническими роковыми предчувствиями.

Интерес публики к «Девятой труппе» обострялся шумными спорами, сопровождавшими ее гастроль: состояла ли труппа, на самом деле, из пришельцев с далекой планеты, или все это была мистификация, оркестрованная группой редкостно одаренных музыкантов? Мнения критиков и специалистов расходились. Сама по себе музыка труппы производила неоднозначное впечатление – в каких-то отношениях она казалась чуждой всему человеческому, в других навязчиво напоминала сочинения некоторых земных композиторов.

Роджер Вул не затруднялся сформировать собственное мнение по этому вопросу, но леди Изабель Грэйс, секретарь-казначей Лиги оперных театров, интересовалась спорами по поводу «Девятой труппы» гораздо больше – по сути дела, только благодаря ее финансовой поддержке перед Адольфом Гондаром открылись двери оперных театров и концертных залов всего мира. В данный момент леди Изабель чопорно беседовала с двумя приглашенными авторитетами – Джозефом Льюисом Торпом, музыкальным критиком, публиковавшим рецензии в газете «Трансатлантик таймс», и Эльджином Сиборо, редактором театрального раздела журнала «Галактик ревью». Оба цинично отозвались о «Девятой труппе», не позаботившись побывать на ее концертах, в связи с чем леди Изабель настояла на устранении такого упущения.

Занавес поднялся – открылась пустая сцена. На нее выступил импресарио, Адольф Гондар: высокий смуглый субъект с угрюмо нависшим лбом, мрачно-задумчивыми черными глазами и меланхолически удлиненным подбородком – человек, не внушавший доверия, но и не производивший впечатление очковтирателя, способного на крупномасштабный розыгрыш. Гондар произнес пару банальных фраз и скрылся за кулисами. Через несколько наэлектризованных мгновений появились оркестранты «Девятой труппы»; поднявшись на небольшое возвышение, несимметрично установленное поодаль от авансцены, они почти лениво взяли инструменты и начали играть. Их благозвучно-прозрачный аккомпанемент казался почти веселым.

Вскоре на сцену вышли другие участники труппы, исполнившие нечто вроде короткой забавной оперетты настолько непринужденно, что представление казалось импровизацией – но безукоризненно синхронизированной импровизацией, изысканно отточенной благодаря умению предугадывать сочетания интонаций и движений. Сюжет? Его невозможно было передать словами; вероятно, никакого сюжета не было. Роджеру выступление понравилось; он не понимал, почему «Девятая труппа» побуждала знатоков соревноваться в злословии. Исполнители не совсем походили на людей, хотя сходство было достаточным для временного отождествления. Гибкие и хрупкие, их фигуры каким-то образом позволяли догадываться, что форма и взаимное расположение их внутренних органов не имели ничего общего с человеческими. Пришельцы-мужчины, стройные и сухошавые, поражали белизной кожи, пылающими черными глазами и лоснящимися черными шевелюрами. Привлекательные формы инопланетянок противоположного пола были мягче, их пикантные маленькие физиономии наполовину

прятались в пушистых прядях черных волос. Они беззаботно танцевали, порхая по сцене то в одну сторону, то в другую, пели сладостно-жалобными голосами и меняли наряды с проворством, приводившим в замешательство, тогда как их партнеры мужского пола стояли, строго выпрямившись и глядя в разные стороны, или вихрем поворачивались на каблуках согласно каким-то определенным, но непостижимым канонам. Тем временем оркестранты щекотали слух ажурной полифонией, иногда казавшейся не более чем случайными сочетаниями звуков – тем не менее, как только это подозрение начинало становиться уверенностью, многоголосие разрешалось роскошными каденциями аккордов, разъяснявших и приводивших в порядок все, что происходило раньше.

«Приятно, хотя и загадочно!» – думал Роджер Вул, наливая себе еще бокал шампанского. Бутылка звякнула в ведерке со льдом, и леди Изабель тут же обернулась, бросив на него угрожающий взгляд. Роджер опустил бутылку с преувеличенной осторожностью.

Вскоре объявили антракт. Строго повернувшись сперва к Торпу, а затем к Сиборо, леди Изабель торжественно и вызывающе поинтересовалась: «Теперь, надо полагать, у вас не осталось никаких сомнений и подозрений?»

Слегка прокашлявшись, Джозеф Льюис Торп покосился на Сиборо: «Виртуозно в своем роде, виртуозно. Действительно, в этом отношении ни к чему нельзя придраться».

«Несомненно, перед нами – изобретательная, дерзкая, превосходно сыгранная труппа, – отозвался Эльджин Сиборо. – Заметен свежий новый талант, я сказал бы. Неожиданно свежий».

«Справедливое замечание!» – кивнул Торп.

Леди Изабель нахмурилась: «Значит, вы не отрицаете, что Адольф Гондар и его „Девятая труппа“ – неподдельный инопланетный аттракцион?»

Джозеф Льюис Торп смущенно рассмеялся: «Дражайшая леди, могу только повторить, что поведение Гондара, с моей точки зрения, свидетельствует об обратном. Почему он отказывается давать интервью представителям прессы? Почему какой-нибудь этнолог, пользующийся высокой репутацией, еще не произвел обследование этих исполнителей? Обстоятельства не позволяют принимать на веру заявления господина Гондара».

«Значит, вы считаете, что Гондар обвел меня вокруг пальца? В конце концов, это я организовала их гастролы, я решаю их финансовые вопросы – надеюсь, у вас нет оснований подозревать меня в мошенничестве?»

«Ни в коем случае, дражайшая леди Изабель, у меня и в мыслях не было ничего подобного! – воскликнул Торп. – Ваша добросовестность практически вошла в поговорку!»

«Вполне возможно, что Адольф Гондар достоин всяческих похвал, – вставил Сиборо, – если забыть о его попытке водить публику за нос».

«Да-да! – поднял указательный палец Торп. – Кто, в самом деле, этот Гондар?»

Леди Изабель поджала губы – Роджер Вул наострил уши.

«Господин Гондар, – отчетливо произнесла леди Изабель, – восприимчивый и проницательный человек. Будучи капитаном космического корабля, он посетил десятки далеких миров. На планете Рлару ему удалось убедить „Девятую труппу“ отправиться в гастролы на Землю. Вот и все, здесь нет никакой тайны. Не совсем понимаю ваш скептицизм – неужели моих заверений недостаточно?»

Сиборо благодушно рассмеялся: «В нашей профессии скептицизм неизбежен. Доверчивых критиков не бывает!»

«Мои возражения, – заметил Торп, – отчасти объясняются принципами теории музыки, а также, в какой-то степени, общедоступными сведениями о галактических цивилизациях. Трудно поверить в то, что инопланетная раса способна использовать музыкальные идиомы, поддающиеся человеческому восприятию. Кроме того, я никогда не слышал о планете Рлару –

несмотря на то, что ее обитатели, если мы действительно имеем часть наблюдать их на сцене, демонстрируют свойства, характерные для представителей высокоразвитой цивилизации».

«А! – коротко ответила леди Изабель, приподняв голову и полуприкрыв глаза (что заставило Роджера Вула боязливо поморщиться). – Значит, вы считаете, что исполнители из „Девятой группы“ – всего лишь люди, притворяющиеся инопланетянами?»

Сиборо пожал плечами: «Ничего не могу сказать с уверенностью. Всем нам приходится присутствовать на представлениях, казавшихся чудесными и таинственными – но все мы знаем, что это впечатление создавалось искусной манипуляцией и сценическими трюками. В сегодняшних исполнителях я не заметил ничего бесспорно нечеловеческого. Если бы вы сказали, что они – выпускники Академии кикимор-пересмешиков из богом проклятого приюта для помешанных на планете Проциона, у меня было бы меньше оснований вам не поверить».

«Глупости!» – отрезала леди Изабель тоном судьи, выносящего окончательный приговор.

Сиборо хмыкнул и подчеркнуто отвернулся. Торп не сдержал нервный смешок: «Вы глубоко несправедливы! Все мы – люди, все мы смертны, каждому из нас приходится искать свою дорогу в непролазной темной чаще сомнений. Бернару Бикелю, вероятно, известны...»

Леди Изабель прервала его возгласом, выразившим высшую степень раздражения. «Не произносите при мне имя этого самонадеянного позёра! – приказала она. – Все его так называемые „мнения“ – поверхностное пустословие!»

«Бикеля повсеместно считают лучшим специалистом по сравнительному музыковедению, – холодно процедил Сиборо. – Мы не можем не учитывать его взгляды».

Леди Изабель вздохнула: «Чего еще можно было ожидать?»

Тем временем, занавес снова поднялся.

«Девятая труппа» представила нечто вроде праздника на лоне природы. Наряженные в розовые, зеленые и желтые блузоны с голубыми узорами, забавные фигуры напоминали то ли фей, то ли арлекинов. Как прежде, никакого сюжета, по-видимому, не было, и в перемещениях исполнителей нельзя было заметить никакой четкой закономерности. Изящный музыкальный аккомпанемент – стрекочущий, щебечущий, позвякивающий – время от времени подчеркивался хриловатым гулом, словно издали доносился рев штормовой сирены или кто-то дул в огромную раковину. Фигуры сновали справа налево и слева направо, удаляясь и приближаясь – что это было? Павана? Буколическое торжество? Очевидно бесцельное движение, реверансы, легкомысленные антраша и пробежки вприпрыжку продолжались без какого-либо развития, без каких-либо заметных изменений, но в какой-то момент зрители внезапно прониклись уверенностью в том, что происходившее у них перед глазами не было фарсом или утонченным развлечением: зал наполнился предчувствием чего-то мрачного и кошмарного, вызывавшего душераздирающую печаль. Светильники постепенно тускнели, и театр погрузился в темноту. Ослепительная сине-зеленая молния озарила «Девятую труппу» – фигуры застыли на сцене во внимательно-вопросительных позах, словно ошеломленные загадкой, ими же предложенной вниманию публики. Музыка умолкла, светильники зажглись, занавес упал.

«Любопытно, любопытно! – бормотал Торп. – Хотя рудиментарно до расплывчатости».

«Явное отсутствие дисциплины, – отозвался Сиборо. – Достойное похвалы воодушевление, дерзкая попытка освободиться от традиционных ограничений – но, как вы заметили, незрелая, недостаточно кристаллизовавшаяся».

«А теперь позвольте мне откланяться, мадам Грэйс, – сказал Торп. – Чрезвычайно благодарен за ваше приглашение». Критик слегка поклонился в сторону Роджера: «Всего хорошего».

Эльджин Сиборо также произнес несколько церемонных фраз, и журналисты удалились.

Леди Изабель поднялась на ноги: «Шуты гороховые! Пойдем, Роджер».

«По всей видимости, сегодня нам не по пути, я уже договорился...» – начал было отказываться Роджер.

«Ни с кем ты ни о чем не договаривался. Отвези меня на званый ужин к Лилиэн Монтигль».

Роджер Вул подчинился. Он во многом – практически во всем – зависел от щедрот своей тетки, в связи с чем находил полезным оказывать ей различные не слишком обременительные услуги. Выйдя из ложи, они поднялись в лифте на крышу; из многоэтажной стоянки подали скромный небольшой аэромобиль Роджера, марки «Херлингфосс». Отказавшись опереться на предложенную руку племянника, леди Изабель величественно взобралась на переднее сиденье.

Лилиэн Монтигль жила за рекой в древнем дворце, переоборудованном согласно современным представлениям о комфорте. Лилиэн, почти не уступавшая богатством леди Изабель Грэйс, славилась умением устраивать тщательно продуманные развлекательные вечеринки; сегодняшней прием, однако, носил сравнительно неофициальный характер. Исключительно по наивности – или движимая злорадным умыслом – Лилиэн пригласила на тот же ужин Бернарда Бикеля, выдающегося музыковеда, космического скитальца, лектора и бонвивана.

Когда ее представили этой знаменитости, леди Изабель едва заметно поджала губы и ни словом не упомянула о своих взаимоотношениях с Адольфом Гондаром и «Девятой труппой» с планеты Рлару.

Щекотливый вопрос этот, однако, был неизбежно затронут – бросив шаловливый взгляд в сторону леди Изабель, Лилиэн Монтигль собственной персоной поинтересовалась, присутствовал ли господин Бикель на спектаклях, вызвавших такой переполох.

Бернард Бикель с улыбкой покачал головой. Еще не пожилой человек приятной наружности, с седеющей шевелюрой стального оттенка и жесткими усами «щеткой», Бикель излучал непринужденную обаятельность: «Я наблюдал их выступление пару минут по телевизору. Оно не вызвало у меня особого интереса. Боюсь, на старой доброй Земле скучающая публика готова гоняться за любой новизной – все необычное сразу становится модным и столь же молниеносно забывается. Тем лучше для их антрепренера, Адольфа Гондара – постольку, поскольку бездельники и пошляки готовы ему платить, с его стороны было бы глупо этим не пользоваться».

«Уважаемый господин Бикель! – притворно удивилась Лилиэн Монтигль. – Возникает впечатление, что вы сомневаетесь в подлинности происхождения знаменитой труппы!»

Музыковед снова понимающе улыбнулся: «Могу сказать только одно: я никогда не слышал о планете Рлару – не уверен даже в том, как правильно произносится это наименование. При этом, как вам известно, я побывал во многих уголках Галактики».

Сидевшая напротив молодая особа порывисто наклонилась над столом: «Но послушайте, господин Бикель! По-моему, вы ужасно несправедливы! Вы даже не были ни на одном из их представлений! А я была, и я в полном восторге!»

Бернард Бикель пожал плечами: «Адольф Гондар – кто бы он ни был и каково бы ни было происхождение его труппы – без сомнения, фантастически одаренный балаганщик».

Леди Изабель прокашлялась. Роджер откинулся на спинку стула: зачем беспокоиться, зачем напрягаться? Будь что будет: пользуясь преимуществами возраста, пола и умения внушать трепет окружающим, леди Изабель, как правило, с достоинством выходила из положения, повергнув в прах оппозицию. «Не могу с вами согласиться, – произнесла леди Изабель. – Адольф Гондар ничего не понимает в организации спектаклей, хотя, судя по всему, будучи капитаном космического корабля, он неплохо разбирается в том, что непосредственно относится к его профессии».

«Даже так? – одна из бровей Бернарда Бикеля выгнулась вопросительной дугой. – Это обстоятельство, конечно, делает его утверждения еще более колоритными. Что касается меня...» Знаменитый музыковед приподнял бокал и полюбовался блеском багряной жидкости:

«Забудем о ложной скромности. Можно сказать, что я практически занимаю вершину иерархической пирамиды в области, называемой сравнительным музыковедением, эвфонической символистикой или просто музыковедением. И я просто-напросто отказываюсь поддаваться надувательству со стороны загадочного Адольфа Гондара. Музыка его труппы поддается пониманию, что само по себе выдает его с головой. Музыка – то же самое, что язык, а язык на самом деле понимает только тот, кто говорит на нем с детства или, на худой конец, досконально его изучил».

«Совершенно верно!» – тихо заметил кто-то из присутствующих. Леди Изабель строго повернулась, пытаясь опознать наглеца, после чего заметила ледяным тоном: «Таким образом, вы отказываетесь признать, что чувствительные и разумные обитатели одной планеты способны воспринимать творчество – в том числе музыку – не менее эмоционально развитых и рациональных представителей другого мира?»

Бернард Бикель понял, что напоролся на нешуточного противника, и решил ретироваться: «Нет, конечно. Ничего подобного. Припоминаю забавное приключение на четвертой планете Капеллы – пренеприятнейший мирок, кстати; если кто-нибудь собирается его навесить, настоятельно рекомендую отказаться от этого намерения! Так или иначе, я присоединился к бригаде геологов-разведчиков, собиравших образцы минералов в малонаселенной глуши. Как-то раз мы ночевали в палатках рядом с табором местных аборигенов – бидрахатных дендикапов, как вы понимаете...» Музыковед обвел взглядом лица присутствующих: «Вы о них не слышали? Что ж, это относительно безвредные создания, ростом метра полтора, покрытые шубой плотной черной шерсти. Семят на двух коротких ногах, а что у них под шерстью, одному богу известно. Как бы то ни было, как только мы разбили лагерь, дендикапы – особой тридцать, не меньше – пришли с нами познакомиться. Мы вручили им куски серы; они ее употребляют в пищу в качестве почти обязательной приправы, примерно так же, как мы – соль. И тут мне пришло в голову, шутки ради, включить переносной проигрыватель, карманный „Дуодекс“ с долгоиграющими кристаллами – вы такие, наверное, видели. Прочное, надежное устройство; качество звука, конечно, неважное, но динамики высокого разрешения таскать с собой несподручно, сами понимаете... Так вот, вы бы на них посмотрели! Дендикапы замерли, совершенно зачарованные! Они просидели три часа, уставившись на маленький проигрыватель в полном оцепенении. Даже про серу забыли».

Вокруг стола послышались приглушенные смешки, шорох оживления. Лилиэн Монтигль заметила: «Это даже трогательно! Бедняги, наверное, никогда не слышали хорошей музыки!»

Кто-то спросил: «А эти – как их? – дендикапы... проявили какие-нибудь признаки... ну, скажем, понимания того, что они слышали – или как-нибудь реагировали эмоционально?»

Бикель рассмеялся: «Скажем так: тонкости полифонической структуры „Бранденбургских концертов“ они, конечно, пропустили мимо ушей. Но они слушали Баха с не менее напряженным вниманием, чем сюиту из „Щелкунчика“ – так что, по меньшей мере, их невозможно обвинить в поверхностности».

Леди Изабель нахмурилась: «Не уверена в том, что я полностью вас понимаю. Вы признаёте, таким образом, универсальность музыкального самовыражения?»

«Ээ... в некоторой степени, если удовлетворяются определенные условия. Музыка есть средство общения – чисто эмоционального общения, в случае инструментальной музыки – а в процессе любого общения подразумевается согласование смысловой символики, в том числе значений звуковых символов и их последовательностей в различных контекстах. Вы понимаете, о чем я говорю?»

«Разумеется! – отрезала леди Изабель. – Надо полагать, я не могла бы выполнять функции секретаря-казначей Лиги оперных театров, если бы ничего не понимала в музыке».

«В самом деле! Я не имел представления о вашей – как бы это выразиться? – почти профессиональной квалификации».

Леди Изабель ограничилась сухим кивком.

Бикель продолжал: «Хотел бы подчеркнуть следующее обстоятельство. Музыкальная символика одновременно проста и сложна. Медленные, тихие ритмичные звуки оказывают успокаивающее действие практически на любого слушателя. Сходным образом, пассажи резких стаккато, исполняемые на трубе, производят возбуждающий эффект. Такова абстрактная символика на самом примитивном, инстинктивном уровне. Когда мы рассматриваем, однако, аккорды, последовательности аккордов, тональные модуляции и мелодическую структуру, мы имеем дело с построениями, символическое значение которых в гораздо большей степени определяется условностями. Даже в контекстах различных музыкальных традиций Земли таким сложным звуковым символам может придаваться различное условное значение. Конечно, мы могли бы строить предположения относительно конвергенции музыкальной символики тех или иных галактических цивилизаций. Вполне возможно, что процессы формирования культурных норм или параллельного развития... – кто-то рассмеялся, и музыковед укоризненно поднял руку. – Не следует сразу сбрасывать со счетов культурный параллелизм! Диатоническая гамма – не каприз природы и не случайное изобретение! Она основана на фундаментальных гармонических соотношениях, общих для всех физических явлений. Начните с любой случайно выбранной ноты. Например, сделаем ноту „до“ нашей исходной частотой колебаний и назовем ее „тониной“. Любой ребенок слышит, что между этим звуком и нотой „до“ на октаву выше или ниже существует безошибочно распознаваемое согласие, консонанс. Почему? Потому что октава соответствует соотношению частот 2:1. Почти таким же приятным для слуха ощущается интервал, возникающий при соотношении частот 3:2 – квинта. По отношению к „до“ такой консонанс создается нотой „соль“; с функциональной точки зрения любая нота, звучащая на квинту выше тоники, называется „доминантой“. Например, если „соль“ становится тоникой, то доминантой становится „ре“. Если в качестве исходной ноты – тоники – используется „ре“, то доминантой становится нота на квинту выше „ре“, то есть „ля“, и так далее. Продолжая этот ряд, мы получаем двенадцать различных нот, после чего внезапно обнаруживаем ноту, звучащую почти так же, как первоначальное „до“, но на восемь октав выше. Расположите все эти ноты, одну за другой, в пределах нескольких последовательных октав, слегка растяните интервалы между звуками верхних октав так, чтобы они были точно такими же, как между звуками нижних октав – это называется „темперацией“ – и вы получите знакомую диатоническую гамму. В этом нет ничего таинственного, трудно представить себе что-нибудь более простое и естественное. Какой из этого можно сделать вывод? А вот какой: нет ничего удивительного в том, что представитель расы, ничем не напоминающей человеческую, живущий на планете, условия которой ничем не напоминают земные, использует музыкальный инструмент, резонирующий наподобие земных, и исполняет на нем музыку, основанную на знакомой нам с детства гамме „до-ре-ми-фа-соль-ля-си-до“».

«Ха-ха! – воскликнула леди Изабель. – Именно это я тысячу раз пыталась втолковать глупцам, злословящим по поводу Адольфа Гондара и его „Девятой труппы“!»

Улыбнувшись, Бернард Бикель покачал головой: «А это уже совсем другой вопрос! Согласен, диатоническая гамма универсальна – так же, как универсальны дверные петли, швартов, привязывающий лодку к пристани, или теорема Пифагора. Но все это не имеет никакого отношения к скрытому Адольфу Гондару. Нет! – музыковед предупреждающе поднял руку. – Не обвиняйте меня в непоследовательности. Мне всего лишь трудно поверить в то, что музыкальные условности и символика расы инопланетян – которую, как утверждается, представляют исполнители из „Девятой труппы“ с планеты Рлару – настолько удачно и точно соответствуют нашим собственным, что оказывают на нас эмоциональное воздействие. Разве это не логичный подход?»

«В высшей степени логичный, – отозвалась леди Изабель. – Настолько логичный, что фатальное упущение в последовательности ваших рассуждений сразу бросается в глаза. Факты

таковы: я лично финансирую гастроли „Девятой труппы“. Я решаю все финансовые вопросы, связанные с этими гастролями, и еще никому не удавалось меня надуть».

Бернард Бикель рассмеялся: «Значит, мне придется пересмотреть свои выводы и понять, в чем заключается упомянутое вами „фатальное упущение“».

«Выводы следует делать на основе непосредственных наблюдений, – сказала леди Изабель. – Если это вас не затруднит, вы можете занять место в моей ложе во время завтрашнего представления».

«Обязательно проверю свое расписание, – нарочито серьезным тоном ответил Бернард Бикель, – и, если появится такая возможность, воспользуюсь вашим приглашением».

* * *

Увы, Бернарду Бикелю так и не представилась возможность полюбоваться из роскошной ложи леди Изабель на представление «Девятой труппы» с планеты Рлару. Ночью вся труппа исчезла – полностью, бесследно и необъяснимо, словно растворившись в воздухе.

2

После того, как он отвез леди Изабель в ее прекрасный старый особняк, откуда открывался вид на всю долину Балью, Роджер Вул решил остаться на ночь у тетки, а не возвращаться в городскую квартиру. Поэтому он завтракал в обществе леди Изабель, когда к ней подошел дворецкий, опустивший на стол видеофон и пробормотавший: «Господин Гондар, мадам. Срочный вызов».

«Спасибо, Холкер». Леди Изабель нажала кнопку, и на экране появилась физиономия Гондара. Его задумчивый взгляд приобрел мрачноватый оттенок, а мечтательно-отстраненное выражение его лица исключало всякий намек на напористый энтузиазм, свойственный большинству успешных импресарио.

«В чем дело, Адольф? – поинтересовалась леди Изабель. – Что случилось?»

«Все очень просто, – ответил Гондар. – „Девятая труппа“ исчезла».

«Исчезла! – повторила леди Изабель, устремив на экран долгий внимательный взгляд; Роджер подумал, что замечания Бернарда Бикеля не прошли мимо ушей его тетки, как бы она ни пыталась скрывать это обстоятельство. – Как это произошло?»

«Когда закончился вчерашний спектакль, я сопровождал труппу в апартаменты на верхнем этаже театрального комплекса. Они подкрепились и, судя по всему, удобно устроились на ночь – хотя, должен заметить, их поведение показалось мне необычно возбужденным, даже озорным. Я обещал им устроить морскую прогулку на яхте господина Саверино – и считал, что их оживление объяснялось этой перспективой, а сегодня утром... Сегодня утром они пропали. Швейцар утверждает, что никто не выходил из здания на улицу, а оператор аэростоянки клянется, что после того, как разъехались зрители, ни одна машина не садилась на крышу и не вылетала».

«Очень неприятная ситуация, – сказала леди Изабель. – Ситуация, угрожающая подорвать мою репутацию. Должна заметить, что меня такое положение вещей несколько не устраивает».

«Неужели? – прорычал Гондар. – А что вам не нравится, позвольте спросить? Вы получили каждую копейку – все, что мы заработали за три месяца. У вас нет никаких оснований жаловаться».

«Возникает впечатление, что я не зря приняла меры предосторожности. Как вам известно, по поводу подлинности вашей труппы распространяются циничные слухи и подозрения. Я всегда их игнорировала, но теперь вынуждена задать себе вопрос: по какой причине и каким образом, в точности, исчезла ваша труппа?»

Угрюмое выражение физиономии Гондара не изменилось: «Я буду рад прекратить наши взаимоотношения. Отдайте мои деньги, и дело с концом».

«Я не сделаю ничего подобного, – возразила леди Изабель. – Я настояла на том, чтобы все поступления находились под моим контролем именно для того, чтобы в случае возникновения любого подозрения в мошенничестве деньги могли быть возвращены покупателям билетов. В настоящий момент мои требования не соблюдены. Вы почти ничего не сообщили о планете Рлару – и, пока я не буду совершенно убеждена в прочности моей позиции, я не стану выплачивать никакие суммы».

Гондар неохотно кивнул: «Сегодня вы будете дома?»

«Учитывая тот факт, что возникла чрезвычайная ситуация – несомненно».

«Я прибуду через полчаса». Экран видеофона потемнел. Хрюкнув от раздражения, леди Изабель повернулась к Роджеру: «Иногда мне кажется, что вся жизнь – лживый и вульгарный спектакль!»

Роджер поднялся на ноги: «Так как у меня...»

«Сядь, Роджер. Ты мне понадобишься».

Роджер сел.

Через некоторое время Холкер объявил о прибытии Адольфа Гондара. Импресарио явился в строгом темно-синем костюме с белой оторочкой отворотов и алыми складками в талии; на голове у него был мягкий синий берет с вышитой эмблемой космического корабля. Он принес с собой небольшой чемоданчик и поставил его на пол около двери.

«Что вы предпочитаете – кофе или чай?» – спросила леди Изабель.

«Я не хочу пить», – ответил Гондар. Взглянув на Роджера, он подошел к столу и встал напротив леди Изабель, сегодня нарядившейся в радующий глаз халат из синего атласа с шелковыми кружевами.

«Садитесь, господин Гондар – будьте добры, садитесь».

Гондар отодвинул стул и сел. «Я считаю, – начал он, – что имею право получить свои деньги. Я неукоснительно выполнял все условия нашего...»

«В этом еще предстоит убедиться, – прервала его леди Изабель. – Наше соглашение содержит положение о недопустимости „введения в заблуждение, предоставления недостоверной информации и умолчания фактов“. Я всегда соблюдала это требование...»

«Я тоже его соблюдал!»

«Полной откровенности с вашей стороны не было. Вы вели себя исключительно скрытно и не позаботились раскрыть существенную фактическую информацию, в связи с чем наш договор можно считать расторгнутым».

Гондар потрясенно отшатнулся: «Что вы имеете в виду?»

«Я имею в виду, что наше соглашение потеряло юридическую силу. Я отказываюсь выплатить гонорар, заработанный вашей труппой».

Лицо Гондара побледнело и осунулось: «Все, что я вам сообщил, соответствовало действительности».

«Но вы практически ничего не сообщили! Как именно и где вы завербовали „Девятую труппу“? Почему она исчезла? Где они теперь?»

В первую очередь Гондар ответил на последний вопрос: «Насколько я понимаю, они вернулись домой».

«На планету Рлару?» – насмешливо-недоверчивым тоном спросила леди Изабель.

«Да. Каким образом? Понятия не имею. Эти существа умеют пользоваться всевозможными трюками, нам неизвестными, их научные познания во многом непостижимы. Думаю, они просто решили вернуться к себе – и вернулись».

«Посредством экстрасенсорной нуль-транспортировки, надо полагать?» – в голосе леди Изабель звучало глубочайшее презрение.

«Хотел бы я знать, как они это сделали! Мне очень пригодились бы такие сведения. На Рлару я видел вещи, не поддающиеся описанию – музыкальные представления, превосходящие всякое воображение. Может быть, это можно назвать оперой, хотя...»

В леди Изабель невольно проснулось любопытство: «Какого рода оперы вы там слышали? Номера вроде тех, что исполнялись „Девятой труппой“?»

«О нет! „Девятая труппа“, по сути дела... конечно, клоунадой их представления назвать нельзя, но их репертуар относится скорее к категории легкой музыки. Водевиль, если хотите».

«Гмм! – несколько секунд леди Изабель сосредоточенно смотрела в окно. – И что вы предложили „Девятой труппе“? Что побудило их посетить Землю?»

Гондар, в свою очередь, задумчиво посмотрел в окно: «Я находился на Рлару примерно четыре месяца. За это время я научился, в какой-то степени, общаться с местными жителями на их языке. Меня впечатлило качество их спектаклей. Я упомянул, что на Земле существуют сходные жанры, и что мы могли бы организовать нечто вроде программы культурного обмена».

Роджер не смог удержаться от смеха, но, заметив брошенный на него взгляд леди Изабель, а затем и пламенно-гневный взор Гондара, тут же зажал рот рукой.

«Никто не создавал препятствий, – продолжал Гондар. – Я привез „Девятую труппу“ на Землю, пообещав привезти в свое время труппу земных исполнителей на Рлару. Но теперь, наверное, из этого ничего не выйдет, – капитан развел руками. – Я в полном замешательстве»

Леди Изабель рассеянно налила чашку кофе из серебряного кофейника и протянула ее Гондару: «Вы можете снова найти планету Рлару?»

«Если потребуется».

Леди Изабель нахмурилась: «Во всей этой истории мне что-то очень не нравится. Так или иначе, следует предотвратить распространение вредных сплетен – это будет и в ваших, и в моих интересах. Может быть, труппа решила осмотреть какую-нибудь достопримечательность, не известив вас о своих намерениях?»

Гондар отрицательно покачал головой: «Насколько я понимаю, они вернулись на Рлару – каким-то неведомым способом».

«Их научно-технические достижения намного превосходят земные?»

«Не сказал бы. Все не так просто – по сути дела, налицо ситуация совершенно иного свойства. На Рлару практически никто не затрудняет себя неприятной работой – за исключением, может быть, низших каст».

«Ага! Значит, у них существует жесткая социальная иерархия?»

«Можно выразиться и так. На верхнем уровне – аристократы, они же музыканты и мимы. Под ними – что-то вроде среднего класса, хотя среди этих тоже встречаются художники и музыканты. А в самом низу – каста бесталанных неимущих бродяг. Никаких инженеров или ученых, никаких производственных предприятий я не замечал».

«Но вы не изучали этот вопрос досконально?»

«Нет. Мне дали понять, что совать нос в некоторые места... скажем так, небезопасно».

«Так-так! Все это очень любопытно. Несомненно, взаимодействие двух цивилизаций должно продолжаться. Как ты думаешь, Роджер?»

«Полностью согласен! Не подлежит сомнению!»

«Сегодня совещается совет директоров Лиги оперных театров, – сообщила леди Изабель. – Я передам им предоставленные вами сведения и порекомендую дальнейшее развитие программы культурного обмена».

«Все это замечательно, – глухо отозвался Гондар. – Но как насчет моих денег?»

«Всему свое время, – откликнулась леди Изабель. – Ваш гонорар в целости и сохранности, и на него начисляются проценты. Кроме того, вы допустили упущение – очень серьезное упущение».

«Какое упущение?» – Гондар был явно озадачен.

«Вы ни словом не упомянули о своем обязательстве привезти музыкальную труппу на Рлару. Такого рода сделки нельзя заключать в расплывчатых терминах, а потом надеяться на авось».

Гондар с сомнением погладил продолговатый подбородок. Покосившись на Роджера, он чуть наклонился в сторону леди Изабель: «Не совсем уверен в том, что такой проект целесообразен – в самом деле, теперь у меня возникает впечатление...»

Взор леди Изабель стал каменным: «Господин Гондар, я никогда не позволяю себе никаких двусмысленностей и никакой недобросовестности и требую, чтобы все, с кем я имею дело, придерживались не менее высоких стандартов. Вы заявили, что „Девятая труппа“ прибыла на Землю в рамках проекта культурного обмена».

«Да, само собой, но...»

«Так или не так?»

«Естественно, это так. Тем не менее...»

«Если это так, вы взяли на себя определенное обязательство. Кроме того – и вы не можете с этим не согласиться, так как ваша репутация, так же, как и моя, находится под угрозой – утверждения лиц, подвергающих сомнению нашу добросовестность, нуждаются в опровержении. Вы согласны?»

«Да-да, согласен. Разумеется».

«Посещение планеты Рлару группой музыкантов, способных продемонстрировать лучшие образцы земной оперы, послужило бы достижению обеих целей, не так ли?»

Гондар болезненно поморщился: «По причинам личного характера я предпочел бы не покидать Землю – по меньшей мере не в ближайшее время».

«Тогда мне остается только передать ваш гонорар в какой-нибудь полезный благотворительный фонд. В противном случае наша репутация неизбежно пострадает».

Гондар о чем-то долго и сосредоточенно размышлял, но в конце концов, тяжело вздохнув, уступил: «Хорошо. Организуйте ваши гастролы. В конце концов, это ничему и никому не повредит».

«Прекрасно! Уверена, что совет директоров Лиги оперных театров с энтузиазмом поддержит наше предложение».

* * *

Леди Изабель ошибалась. К ее изумлению, директора Лиги оперных театров наотрез отказались финансировать подобный проект в какой бы то ни было форме. «Нельзя забывать о высокой репутации нашего учреждения, – пояснил Стиллмэн Кордуэйнер, председатель совета директоров. – Мне известно из самых достоверных источников, что Адольф Гондар – первостатейный шарлатан. Считаю, что мы должны отказаться от какого-либо сотрудничества с этим субъектом и в дальнейшем проявлять бóльшую предусмотрительность».

«Всецело поддерживаю вашу точку зрения! – заявил Бруно Брунофски. – Того и гляди, нам предложат финансировать труппу цыган с танцующими медведями!»

«Очевидно, что совет директоров неспособен брать на себя какую-либо ответственность, – самым ледяным тоном заключила леди Изабель. – Я нахожу позицию совета бесхребетной, бесплодной, бездушной и бессмысленной. С этой минуты считайте, что я сложила с себя полномочия. Мне придется самой организовать выступления оперной труппы на планете Рлару. Когда будет избран новый секретарь-казначей, я передам ему все мои счета и документы».

3

Узнав о намерениях тетки из заметки в утренней газете, Роджер Вул сначала удивился, затем глубоко огорчился и, наконец, поддался слепому инстинктивному побуждению действовать, пока не поздно.

Холкер ответил на вызов по видеофону и соединил его с теткой, сидевшей за секретером и просматривавшей театральные программы и докладные записки. Придав голосу фальшивую веселость, Роджер воскликнул: «Тетушка Изабель, вы видели сегодняшние газеты? Опубликован самый смехотворный репортаж!»

«О? – леди Изабель не соизволила оторваться от работы. – Нам необходим Бьянколелли. И, конечно, Отто фон Шируп». Обернувшись к Роджеру, она спросила: «Ты что-то сказал?»

«Газеты! – повторил Роджер. – Распространяют фантастические слухи о том, что вы собираетесь отправиться в космическое музыкальное турне – трудно представить себе что-нибудь глупее! Я считаю, что вам обязательно следует подать на них в суд на основании... на основании...»

«На каком основании, Роджер?»

«Это нелепая клевета – вас публично выставляют на посмешище...»

«Роджер, перестань молотить чепуху. Сообщения, опубликованные в газетах, достоверны. Я действительно собираюсь сформировать оперную труппу и отправиться с ней на планету Рлару».

«Но – подумайте! Какие расходы, какие трудности! В оперной труппе не меньше пятидесяти человек...»

«На мой взгляд, мы как-нибудь справимся – у меня на примете семьдесят два имени... гм, семьдесят три. Необходимо, чтобы состав труппы был разнообразным и включал вспомогательный персонал, готовый взять на себя второстепенные роли».

«Но в таком случае потребуется целый космический корабль: экипаж, провиант...»

«Мой старый приятель, адмирал Рэйтлоу, заинтересовался нашим проектом – он предоставит подходящий корабль, а его фрахтовые тарифы вполне разумны. В этом отношении никаких проблем не предвидится».

«Но вы же не можете просто так взять и отправиться в космос! Подумайте об опасностях!»

«Ерунда! Господину Бикелю почти везде оказывали самый сердечный прием. Ты читаешь слишком много сенсационных романов, Роджер. Твоя энергия очевидно нуждается в выходе – тебе нужно найти работу».

«Шутки в сторону, – настаивал Роджер. – Вы не представляете себе все проблемы и заботы, всю головную боль...»

«Разумеется, я найму компетентных специалистов; они займутся решением возникающих вопросов».

«Но вспомните о расходах! Подобное предприятие обойдется в миллионы!»

Леди Изабель пожала плечами: «У меня достаточно средств. Когда я умру, мне эти деньги уже не пригодятся, не так ли?»

Роджер не посмел выдвинуть какие-либо возражения. Будучи ближайшим родственником своей тетки, он рассчитывал стать ее наследником, в связи с чем миллионы, которые она собиралась выбросить в космическое пространство, отправившись в экстравагантную экспедицию, можно было в каком-то смысле рассматривать как его деньги.

«Вполне вероятно, что предприятие окажется прибыльным, – радостно продолжала леди Изабель. – Конечно, я не намерена ограничиваться представлениями на планете Рлару».

Я совершенно убеждена в универсальности музыкального языка, и рассказ господина Бикеля о мохнатых существах, замороженных музыкой Баха, произвел на меня глубокое впечатление».

Роджер начал было протестовать, но придержал язык.

«У меня далеко идущие планы, – продолжала леди Изабель. – Все мы понимаем, что обитателям далеких планет нередко не хватает наших навыков восприятия музыки. Тем не менее, любой прогресс, достигнутый в этом направлении, любая искра понимания, которую нам посчастливится разжечь в их сознании, в конечном счете может привести к самым драматическим событиям в мире музыки – даже господин Бикель допускает, что в будущем инопланетяне могли бы предложить нашему вниманию в высшей степени замечательные музыкальные шедевры?»

«Мне казалось, что вы считали мнения господина Бикеля поверхностными», – устало пробормотал Роджер.

«Каждый имеет право выражать свою точку зрения. По меньшей мере, господин Бикель опирается на результаты авторитетных широкомасштабных исследований, тогда как журналисты вроде Торпа и Сиборо лишь повторяют то, что слышали от других».

Роджер разочарованно хмыкнул: «В любом случае, я не стал бы полагаться на сведения Адольфа Гондара. Что вы о нем знаете, в конце концов?»

«Знаю, что ему придется со мной сотрудничать – в противном случае ему не видать комиссионных, как своих ушей. Кстати, пока мы обсуждаем заработки и доходы, уместно было бы заметить, что тебе давно следует подумать о собственной карьере. Вчера меня попросили заплатить по нескольким твоим счетам. Я предоставляю тебе более чем достаточное содержание, но твое сумасбродное расточительство просто-напросто не поддается пониманию...»

Через некоторое время Роджеру удалось, наконец, закончить этот разговор. С тяжелым сердцем он размышлял о своих перспективах. В той или иной степени он всегда зависел от причуд леди Изабель, но в данном случае имело место нечто гораздо более монументальное и основательное, нежели обычный каприз – ему грозила... Роджер старательно уклонился от необходимости внутренне произнести это слово.

Что делать? Работать? Искать работу? Тратить драгоценное время, получая за это жалкие гроши? Такая необходимость грозила стать реальностью: леди Изабель вполне могла потратить все свое состояние на самую сумасбродную и дорогостоящую из ее затей... Роджер вспомнил о Бернарде Бикеле. Если кто-нибудь мог разубедить тетюшку Изабель, это был маститый музыковед. Роджер вызвал номер Бикеля в отеле «Приют кочевника».

Бикель ответил на звонок. По его словам, он был бы рад побеседовать с Роджером, и для него было бы удобнее всего сделать это безотлагательно.

Роджер отправился на аэробусе в отель «Приют кочевника». Бикель встретил его в вестибюле и предложил выпить кофе в находившемся поблизости «Салоне звездоплавателей».

Усевшись и подождав, пока им не подали кофе и блюдо с пирожными, Бикель вопросительно взглянул на Роджера.

«Наверное, вы понимаете, почему я к вам обратился», – начал Роджер.

«Прошу меня извинить – не имею ни малейшего представления!» – развел руками Бикель.

«Разве вы не слышали о новейших планах моей тетки?»

Бикель покачал головой: «Меня не было в городе. Надеюсь, происходит что-нибудь забавное?»

«Забавное! – с горечью отозвался Роджер. – Она собирается отправиться с многолюдной оперной труппой на планету Рлару. И выбросит на ветер миллионы, не моргнув глазом!»

Бикель выслушал его рассказ, то поджимая губы, то вытягивая их трубочкой и время от времени сопровождая эти гримасы понимающими кивками: «Ваша тетка – представитель-

ница почти вымершей породы богатых чудаков-любителей. Впечатляющая женщина! Хотя я не разделяю ее доверие к капитану Гондару».

«Это просто катастрофа! – жаловался Роджер. – Гондар внушил ей энтузиазм по поводу проекта, который обойдется в сумасшедшую сумму! По пути к планете Рлару она намерена посещать другие миры – вы сами оказали на нее пагубное влияние, рассказывая, какой интерес вызвал проигрыватель у бидрахатных дендикапов».

Бернард Бикель рассмеялся, не веря своим ушам: «Все это сплошная нелепость! Дендикапы просто-напросто не могли понять, каким образом мне удалось засунуть в такую маленькую коробку такое количество насекомых – местные перепончатокрылые производят резкий скрип, напоминающий звучание струнных инструментов. У вашей тетки – прошу прощения за откровенность – поистине идиотские представления. Бидрахатный дендикап не отличит бранденбургский концерт от звона в ушах, вызванного ударом дубины по башке».

Роджер нервно улыбнулся: «На тетушку ваши замечания произвели неизгладимое впечатление. Мне кажется... не знаю, как правильно выразиться... Может быть, вы могли бы найти какой-нибудь способ разубедить ее, разъяснив нелicenseприятные фактические обстоятельства?»

Бернард Бикель нахмурился и пригладил красивые серебристые усы: «Разумеется, я был бы рад предложить вашей родственнице рекомендации, но не могу же я ворваться к ней без приглашения и заставить ее выслушивать мои доводы?»

«Знаете что? – возбужденно воскликнул Роджер. – Я приглашу вас сегодня же в усадьбу Балью как своего гостя. А тетушка будет чрезвычайно рада вас видеть!»

Бикель едва заметно пожал плечами: «Сегодня мне больше нечего делать – кроме того, я не откажусь от возможности полюбоваться на поместье леди Изабель».

«Превосходно! Мы можем туда отправиться в любое время, по вашему усмотрению».

«Ээ... часа в два пополудни?»

«Замечательно! Я подвезу вас».

Незадолго до трех часов дня Роджер и Бернард Бикель прибыли в усадьбу Балью. Роджер посадил аэромобиль на площадке перед особняком, и старый швейцар Грумиано вышел, чтобы отвезти машину в гараж.

Подойдя к балюстраде, Бернард Бикель осмотрел окрестности: «Величественный, королевский пейзаж! Этому парку, надо полагать, несколько веков?»

«Да, здесь красиво... И я не хотел бы, чтобы это поместье пустили с молотка. Тетушка, скорее всего, в розовом саду – или на южной террасе».

Действительно, леди Изабель сидела за мраморным столиком на южной террасе, зачитывая письма в диктофон и часто прерываясь, чтобы поговорить с кем-то по видеофону. Она приветствовала прибывших сухим кивком, по-видимому не узнав Бикеля: «Садись, Роджер. Одну минуту – я пытаюсь согласовать условия контракта с Марци Ипсигори. Надеюсь, он к нам присоединится».

Роджер и Бернард Бикель подождали, пока леди Изабель говорила со знаменитым баритоном; тот, однако, сообщил, что не может дать определенный ответ, пока не пересмотрит свои обязательства на следующий год.

Выключив видеофон, леди Изабель повернулась к Роджеру и Бикелю: «Кого ты привел, Роджер? А, конечно же, это господин Бикель!»

«Собственной персоной. Рад возможности познакомиться с вашей усадьбой и ее великолепными окрестностями».

Леди Изабель кивнула: «Летом Балью выглядит лучше всего. Роджер, найди Холкера и попроси его подать чай».

Когда Роджер вернулся, леди Изабель и Бернард Бикель прогуливались по розовому саду и оживленно разговаривали. Время от времени леди Изабель беспечно смеялась, в то время как маститый музыковед явно наслаждался беседой. «По меньшей мере, – подумал Роджер, –

тетушка не проявляет никакой враждебности. Может быть, у нее самой уже возникли сомнения по поводу сложностей, связанных с грандиозным проектом». Роджер удовлетворенно вздохнул: он проявил предусмотрительность, возложив бремя своих проблем на крепкие плечи Бернарда Бикеля.

Холкер расставил на столе чайный сервиз; леди Изабель и Бикель поднялись на террасу и присоединились к Роджеру.

«Прекрасные новости, Роджер! – объявила леди Изабель. – Превосходные новости! Господин Бикель согласился сопровождать нас в небольшом турне по планетам Млечного Пути! В качестве консультанта-музыковеда с астрономическим, надо сказать, окладом, – леди Изабель лукаво хихикнула, – он поделится своими обширными познаниями, направляя наши усилия в самое плодотворное русло».

Шокированный и уязвленный до глубины души, Роджер укоризненно уставился на Бикеля. Тот улыбался и кивал, не отрывая глаз от леди Изабель: «Откровенно говоря, вы не могли бы найти лучшего специалиста. Можно представить себе десятки опасных ловушек, поджидающих театральную труппу, не консультирующуюся заранее с экспертом».

Роджер поднялся на ноги. Леди Изабель с удивлением обернулась: «Роджер! Разве ты не останешься на ужин?»

«Нет. Я вспомнил – мне назначена встреча», – он мрачно поклонился Бикелю и удалился.

Леди Изабель вздохнула: «Роджер не поддается пониманию. Приятный молодой человек – но, подобно многим представителям его поколения, он ведет бесцельное существование. Я подыскала ему подходящее место в фирме „Атлантик секьюритиз“. Говорят, в мире акций и облигаций можно сделать головокружительную карьеру, а необходимость вовремя являться на работу каждый день воспитает в нем полезное чувство долга и ответственности».

«Несомненно, – согласился Бернард Бикель. – Вы приняли самое разумное решение».

4

С точки зрения журналиста, мир погряз в состоянии апатичного застоя. Политические распри затихли, кончились громкие судебные процессы, связанные с взаимными поношениями Холла и Андерсона, восстановление древних Афин завершилось, и уже несколько месяцев никто не видел лохнесское чудовище. Как ожидалось, Барбара Банквайлер развелась с великим герцогом Тибетским, а выставка новых моделей автомобилей должна была состояться только через полгода. Кое-где, естественно, происходили события, проникавшие в заголовки новостей: «Общество синих людей» закупило четыреста тысяч гектаров земли в Центральной Мавритании, чтобы представители этого клана могли наслаждаться преимуществами древней кочевой жизни в долине Себкра де Чинчан и ее окрестностях, на прилавках продуктовых магазинов появились пустотелые соленые кренделя, вмещающие 384,5 мл пива, а «Гвадалахарским койотам», «Лас-вегасским прохвостам», «Осакским землетрясам», «Сент-луисским мулатам», «Миланским зеленым чулкам» и «Бангалорским аватарам» сулили примерно одинаковые шансы на предстоящем Всемирном чемпионате. Но все это были дуновения вялого ветерка среди знойного летнего штиля, и проект леди Изабель, собравшейся устроить гастроли на далеких планетах, возбудил интерес по всему миру. Репортеры обращались к экспертам; замечания экспертов анализировались и подвергались критике; в конечном счете в интеллектуальных кругах разразилась буря противоречивых заявлений и взаимных обвинений. Видный представитель одной из фракций позволил себе назвать леди Изабель «чокнутой старухой», а всю ее затею – «музыкальной околесицей», тогда как другие отмечали, что накопленный экспедицией опыт мог оказаться, как минимум, поучительным для всех заинтересованных сторон. Бернард Бикель опубликовал убедительную статью в «Космологическом журнале»; в частности, он высказал следующие соображения: «Вполне может быть, что не каждый обитатель той или иной планеты способен в достаточной степени оценить весь репертуар – но какое-то воздействие неизбежно. В худшем случае сочетание звуков, цветов и хореографии вызовут простое изумление, а в лучшем – интуитивный, даже если не сознательный, энтузиазм (не следует забывать, что труппа будет исполнять, главным образом, классические образцы „большой оперы“ – манерного жанра, полного сложных ассоциативных условностей). Мы можем столкнуться с расами, способными продемонстрировать свои собственные развитые звуковые структуры – многие такие расы существуют, и мне самому привелось наблюдать некоторые из них. Другие инопланетяне вообще не пользуются органами слуха – для них музыка не поддается представлению как таковая. Тем не менее, великолепие классической „большой оперы“ и артистическая энергия людей, ее исполняющих, не могут не произвести впечатление на обитателей любого мира. По меньшей мере, нам удастся установить полезные межпланетные связи, хотя мне хотелось бы надеяться, что мы сможем внести осмысленный вклад в существование рас, которым еще не посчастливилось накопить столь же богатое и разнообразное культурное наследие».

В другой статье Бернард Бикель осторожно коснулся вопроса о существовании планеты Рлару: «К сожалению, я успел лишь поверхностно познакомиться с композициями „Девятой труппы“. Должен сказать, однако, что даже такая кратковременная „дегустация“ заставила меня задуматься. Ничего не могу сказать о местонахождении планеты Рлару: даже самый любопытный странствующий музыковед способен посетить лишь ничтожную долю известных обитаемых миров. Все же, я хотел бы указать на одно обстоятельство, которое, по-видимому, ускользает от внимания других обозревателей: судя по всем имеющимся сведениям, „Девятая труппа“ состояла из более или менее человекообразных индивидуумов, явно относившихся к космологически распространенному антропоидному типу. Если внешность, анатомия и конфигурация органов чувств могут свидетельствовать о параллельной эволюции, почему бы эво-

люция не могла привести к формированию сходных музыкальных идиом – особенно если учитывать тот факт, что закономерности гармонических взаимодействий не менее объективны, нежели закономерности химических реакций?»

* * *

Роджер смирился с трудоустройством в фирме «Атлантик секьюритиз» – он прекрасно знал, что лучше не создавать лишних проблем и вертеться, как флюгер, туда, куда дует ветер. И действительно, события оправдали его ожидания. Неделю он халтурил, изображая дружелюбного шалопая, после чего его вызвали в кабинет господина Макнаба. Господин Макнаб сообщил Роджеру о неких тревожных закономерностях, наблюдавшихся на бирже и требовавших немедленного сокращения штатов. Будучи служащим с наименьшим трудовым стажем, господин Вул подлежал такому сокращению в первую очередь.

Напустив на себя самый унылый вид, Роджер отправился в Балью, чтобы объяснить происходящее тетке, но там узнал, что леди Изабель улетела в космический порт в сопровождении Бернарда Бикеля. Роджер последовал за ними и обнаружил тетку в доке для оснащения кораблей, с северной стороны взлетного поля. Там «Феб» (так окрестила свой корабль леди Изабель) подвергался переоборудованию в соответствии со своим новым назначением.

Обходя док в поисках тетки, Роджер смог оценить размеры корабля – «Феб» состоял из пяти шаров двадцатиметрового диаметра, соединенных овальными трубами-переходами трехметровой высоты. Один из шаров был открыт – в нем соорудили сцену – и здесь Роджер заметил леди Изабель, совещающуюся с главным инженером проекта. Она суховаато поздоровалась с Роджером, но не выразила ни удивления, ни порицания.

Осторожно вздохнув, Роджер расправил плечи, полагая, что худшее, пожалуй, осталось позади – в предыдущих сходных ситуациях леди Изабель отличалась громогласным многословием. Теперь же, однако, она внимательно слушала инженера, пояснявшего, как он разместил в корабле театральную сцену. Пятиугольная форма «Феба» позволяла использовать значительную площадь; в центре корабля можно было установить опору с прочными кабелями-оттяжками, закрепленными на вершинах шарообразных отсеков, и все это центральное сооружение можно было покрыть шатровым навесом из легкого прочного материала, устроив таким образом достаточно обширную аудиторию.

К разговору присоединился Бернард Бикель. Он инспектировал жилые помещения и теперь сообщил, что они готовы к полету. По его мнению, каюта леди Изабель выглядела тесноватой, а его собственные каюту и кабинет тоже не мешало бы сделать попросторнее. Инженер пообещал заняться этим вопросом.

Леди Изабель отвлеклась от беседы и, посмотрев вокруг, заметила Роджера. На ее лице появилось выражение строгого недоумения: «Роджер! Хотела бы я знать, что ты тут делаешь? Почему ты не на работе?»

Захваченный врасплох, Роджер принялся оправдываться, с трудом подыскивая слова: «Сокращение штатов – надеюсь, что временное. На рынке необычно затишье; господин Макнаб считает, что предприятие нуждается в основательной перетряске – ему пришлось отправить в неоплачиваемый отпуск примерно треть персонала».

«Неужели? – ледяным тоном откликнулась леди Изабель. – Когда я говорила с ним в последний раз, он ни о чем таком не упоминал».

Роджер заметил, что в финансовом мире катастрофы нередко носят молниеносный характер: «Естественно, господин Макнаб хотел, чтобы я продолжал работать, но, по его словам, если бы он уделил мне особое внимание, другие могли бы рассматривать это как фаворитизм. Я сказал, что в сложившейся ситуации ему следовало, конечно, принять самое беспристрастное решение, не считаясь с личными предпочтениями».

«Роджер! – вздохнула леди Изабель. – Просто не знаю, что с тобой делать. Тебе дали прекрасное образование, у тебя хорошие манеры – когда тебе заблагорассудится, ты способен проявлять своего рода невзрачное обаяние – и, конечно же, тебе невозможно отказать в умении жить на широкую ногу. Если я перестану тебя содержать, что тогда? Ты умрешь с голоду? Или, может быть, настойчивые потребности желудка заставят тебя взглянуть в лицо действительности?»

Роджер выслушивал выговор молча – по его мнению, только таким образом он давал понять, что его достоинство непоколебимо. В конце концов леди Изабель развела руками: «Надо полагать, мне придется с тобой делиться, пока у меня не останется ни гроша!» Она снова обратилась к инженеру, и Роджер с облегчением отошел в сторону.

Он тут же заметил чрезвычайно привлекательную девушку, с любопытством разглядывавшую космический корабль. На ней были коричневый костюм в черную полоску и круглая черная шапочка; будучи несколько выше среднего роста, она двигалась с бессознательной грацией существа, не подозревающего о существовании недугов. У нее были каштановые волосы, карие глаза и классически правильные черты лица. Она произвела на Роджера самое благоприятное впечатление с первого взгляда – и со второго, и с третьего. Девушка излучала женственную притягательность: смотреть на нее значило желать приблизиться к ней, осязать ее и заявить о своих правах на нее. Но ей было присуще нечто большее, нежели телесное очарование. Даже с первого взгляда – а Роджер никогда не подозревал в себе особую интуитивную чуткость – он ощутил в ней нечто чудесное и чрезвычайное, некий легендарный, не поддающийся определению зов к возвышенному.

Девушка заметила внимание Роджера. Судя по всему, оно не вызывало у нее никакого раздражения. Роджер улыбнулся, хотя и без особого энтузиазма – недавняя головомойка не способствовала укреплению в нем самонадеянности. Но девушка смотрела на него с выражением, почти напоминавшим восхищение, и Роджер невольно задал себе вопрос: что, если каким-то чудом сия баснословная красавица заглянула в глубину его души и осознала все величие и великолепие его сокровенной сущности?

А теперь – чудо из чудес! – она приближалась к нему, она заговорила мягким тихим голосом с едва заметным акцентом; Роджер не умел его распознать, но акцент придавал каждому ее слову поэтический ритм: «Эта дама в роскошном платье – леди Изабель Грэйс?»

«Именно так, вы совершенно правы, – откликнулся Роджер. – Ничто не может быть ближе к неопровержимой истине».

«А с кем она говорит?»

Роджер оглянулся: «С господином Бикелем. Его считают выдающимся музыковедом – по крайней мере, он так считает».

«А вы тоже музыкант?»

Роджер внезапно проникся горьким сожалением в связи с тем, что пренебрег музыкальным образованием; было совершенно очевидно, что девушка хотела видеть в нем музыканта, что она одобрила бы такой выбор профессии... Что ж, учиться музыке никогда не поздно: «Да – в каком-то смысле».

«О? В самом деле?»

«Ну, скажем так... – замялся Роджер. – Я играю... по сути дела, я один из этих, знаете ли, помощников на все руки... А вы чем занимаетесь?»

Девушка улыбнулась: «На этот вопрос я никак не могу ответить – потому что сама не совсем понимаю, чем занимаюсь. Но я могу сказать, как меня зовут – если вы сделаете то же самое».

«Меня зовут Роджер Вул».

«И вы каким-то образом связаны с леди Изабель Грэйс?»

«Она приходится мне теткой».

«Вот как! – девушка смерила его восхищенным взглядом. – И вы отправитесь с ней в гастроль на далекие планеты?»

До сих пор Роджер даже не пытался рассматривать такую возможность. Он нахмурился, украдкой покосился на тетку – и вздрогнул, встретившись с ней глазами. Леди Изабель оценивающе взглянула на стоявшую рядом с Роджером девушку, и сразу стало ясно, что одной своей внешностью та заслужила ее неодобрение. Леди Изабель нравились отзывчивые деловые люди без задних мыслей и без темного прошлого. Собеседница Роджера была очевидно полна задних мыслей и скрытых намерений, а ее прошлое переливалось тысячами теней всевозможных оттенков. «Да, – задумчиво кивнул Роджер. – По всей вероятности, я присоединюсь к экспедиции. Похоже на то, что намечается интересное путешествие».

Девушка торжественно кивнула, как если бы Роджер изрек фундаментальную истину все-ленского масштаба: «Я тоже хотела бы отправиться в космос».

«Вы так и не сказали, как вас зовут», – напомнил Роджер.

«И правда! У меня странное имя – по меньшей мере, так говорят».

Роджер не скрывал нетерпение: «Не стесняйтесь».

Губы девушки слегка покривились: «Мэдок Розвин».

Роджер попросил ее объяснить, как в точности пишется это имя, и она не отказалась: «По сути дела, это уэльская фамилия, происходящая из Мерионета, что к западу от Бервинских гор, но от нашего племени уже никого не осталось – я последняя».

Роджер хотел было утешить собеседницу, но к ним подходила короткими резкими шагами леди Изабель: «Роджер, кто твоя подруга?»

Роджер представил их: «Леди Изабель Грэйс – мисс Мэдок Розвин».

Леди Изабель коротко кивнула. Мэдок Розвин сказала: «Рада познакомиться с вами, леди Изабель. Я считаю, что вы задумали чудесный проект, и хотела бы к вам присоединиться».

«Даже так! – леди Изабель смерила девушку взглядом с головы до ног. – Вы выступаете в театре?»

«Не профессионально. Я пою, играю на фортепиано и на гармошке, а также на нескольких забавных инструментах, вроде оловянного свистка».

«К сожалению, в наш репертуар войдут почти исключительно классические шедевры, – самым сухим тоном обронила леди Изабель. – Хотя мы попробуем поставить пару опер раннего декадентского периода».

«Может быть, потребуется развлекать публику в антрактах – или исполнять, время от времени, легкую музыку? Я быстро приспосабливаюсь и могла бы оказаться полезной в самых различных ролях».

«Все может быть, – пожала плечами леди Изабель. – Тем не менее, в труппе почти не осталось вакансий, а на борту космического корабля нет лишних мест. Я могла бы предложить предварительное прослушивание, наряду с шестью другими кандидатками, одаренной обладательнице колоратурного сопрано, заслужившей репутацию безукоризненной исполнительницы ведущих ролей в русских, французских, итальянских и немецких операх. Труппа должна функционировать подобно слаженному механизму, в котором каждый компонент становится неотъемлемой частью целого. Не относящиеся к механизму компоненты – такие, как любители, играющие на гармошке или дующие в оловянный свисток – оказались бы совершенно излишними».

Мэдок Розвин вежливо улыбнулась: «Мне остается только согласиться. Но если вы когда-либо будете рассматривать возможность более непринужденной, развлекательной программы, надеюсь, вы обо мне вспомните».

«Разумеется, в таком маловероятном случае я о вас не забуду. Полагаю, Роджер сумеет с вами связаться, если потребуется».

«Само собой. Благодарю вас за внимание и желаю всяческих успехов».

Уходя, леди Изабель обернулась: «Роджер, сегодня вечером приезжай в Балью – нам нужно поговорить. Пора принимать окончательные решения».

Внезапно осмелев, Роджер взял Мэдок Розвин за руку, и дрожь прикосновения прокатилась приятной волной от пальцев до его плеча: «Знаете что? Пойдемте пообедаем, а потом вы что-нибудь сыграете на свистке».

«Увы, я не взяла его с собой!»

Роджер отвел ее к своему маленькому аэромобилю. Они упорхнули в ресторан на вершине горы – Роджеру еще никогда не приводилось обедать в столь очаровательной компании. Роджер делал десятки экстравагантных заявлений; Мэдок Розвин отвечала точно взвешенным сочетанием веселости, скептицизма и терпимости. Роджер хотел узнать о ней все, что можно было узнать; на протяжении одного быстротечного часа он надеялся возместить долгие годы, бесцельно растраченные в неведении о существовании столь драгоценного и неотразимого существа. История жизни Мэдок Розвин, по ее словам, была непритязательно проста. Ее родители, землевладельцы, занимались сельским хозяйством в сравнительно удаленном районе Уэльса; она посещала начальную школу в селении, состоявшем из нескольких каменных домов, а затем – гимназию в Лланголлене. Когда ее родители скончались, она продала старую ферму, и с тех пор странствовала по свету. Она нанималась на работу то в одном месте, то в другом, не совсем представляя себе, чем она на самом деле хотела заниматься, но ни в коем случае не желая поступиться своей свободой. Роджеру пришлось в голову, что именно в этом заключалась и его основная проблема: он не был ленив, у него были недюжинные способности, но его приводила в ужас рутина повседневного труда. А Мэдок Розвин, несмотря на всю ее откровенность, оставалась таинственной личностью – как в глубине сцены, в ней за одним занавесом всегда открывался другой, в ней замечались сполохи необъяснимых эмоций, намеки на тщательно скрываемые стремления и цели.

Сердце Роджера болезненно сжималось – он сознавал, что никогда не поймет ее полностью, что в ней всегда останется недостижимая, запретная тайна. Его первоначальный энтузиазм заметно поблек. Роджер отвез Мэдок Розвин туда, где она остановилась. Он хотел бы, конечно, предложить ей сопровождать его вечером в Балью, но почему-то не посмел.

* * *

За ужином леди Изабель демонстративно не упоминала о Мэдок Розвин. Присутствовал Бернард Бикель, и разговор сосредоточился на выборе участников труппы. «Я настаиваю на том, чтобы у нас был Гвидо Альтрочи! – говорила леди Изабель. – Разумеется, его можно было бы заменить Нельсом Лессингом, причем Лессинг согласился выступать на благотворительных началах, тогда как Гвидо запрашивает устрашающий гонорар – но я отказываюсь идти на компромисс. Нас устраивают только лучшие из лучших!»

Бернард Бикель одобрительно кивнул: «Если бы только таких, как вы, было больше!»

Роджер поморщился: «Если бы мне поручили заняться этим делом, я привез бы на другие планеты голографические записи лучших исполнений. Почему нет? Подумайте – насколько это было бы проще и дешевле!»

Леди Изабель покачала головой: «Записям всегда чего-то недостает, они никогда не передают вдохновляющую жизненную силу сиюминутного исполнения музыки настоящими мастерами».

«Их было бы вполне достаточно для зевак в глухих закоулках Галактики», – проворчал Роджер.

«Мы и так уже почти во всем полагаемся на машины, Роджер! Если даже в музыке мы будем обходиться механическим воспроизведением, пора поднимать белый флаг и поставить крест на будущем цивилизации!»

«Допуская, что классическая опера необходима для цивилизации», – пробормотал себе под нос Роджер.

«Прошу прощения?»

«Я просто-напросто хотел бы обратить внимание на огромную экономию средств, возможную в случае использования трехмерных видеозаписей».

«В один прекрасный день, молодой человек, – вмешался Бернард Бикель, – вы оцените по достоинству мудрость и отвагу леди Изабель. Что такое несколько жалких долларов по сравнению с воодушевлением непосредственного присутствия при исполнении шедевра идеально сработавшейся группой знаменитых мастеров-виртуозов – а именно такое воодушевление, такое ощущение присутствия при сотворении музыкального чуда мы стремимся создать!»

Роджер мог бы выдвинуть дальнейшие возражения, но промолчал и слушал, пока леди Изабель и Бернард Бикель обсуждали преимущества Кассандры Праути по сравнению с Нелли Млановой, а также неоспоримый сценический инстинкт Ругера Мандельбаума, осложнявшийся полнотой, в связи с которой исполнение им некоторых ролей представлялось невозможным. Блитца Сёрнер недостаточно хорошо владела итальянским, но никто из ныне живущих певиц не понимал лучше, чем она, произведения выдающихся декадентов. Бикель предложил назначить режиссером-постановщиком Андрея Сцинка. Леди Изабель согласилась. И так далее, и тому подобное – на протяжении двух часов, пока Роджер рисовал ложкой круги на скатерти.

«В отношении одного кандидата не может быть никаких расхождений во мнениях, – заявила леди Изабель. – Нашим дирижером будет сэр Генри Риксон! Без него гастролы невозможны».

Роджер оторвал взгляд от скатерти – что, если невероятным усилием воли он мог бы повергнуть дух сэра Генри Риксона в ад на полгода, пока леди Изабель не потеряет интерес к своей фантастически расточительной увеселительной поездке?

Бернард Бикель задумчиво нахмурился: «Сэр Генри Риксон – или Зиберт Хольгенесс».

«О да, конечно! Я о нем забыла, – призналась леди Изабель. – Кроме того, нельзя пренебрегать чудесным молодым гением, Джарвисом Эйкерсом». Роджер вернулся к изучению скатерти. Даже если бы он нашел способ похитить сэра Генри Риксона и бросить его на необитаемом острове, нейтрализовать еще полдюжины дирижеров было не под силу.

Наконец леди Изабель огляделась в поисках племянника: «Так что же, Роджер? Что нам с тобой делать?»

«Ну, предположим... – замаялся Роджер. – Я не отказался бы от каюты на „Фебе“».

«Совершенно исключено! – отрезала леди Изабель. – У нас и так мало места, как я уже объяснила сегодня твоей знакомой, Мэдок Розвин».

Роджер ничего другого и не ожидал: «Думаю, вам по меньшей мере следовало бы вызвать мисс Розвин на прослушивание. Она в высшей степени талантлива».

«Не сомневаюсь. Кстати, кто эта молодая особа, Роджер? Ты завязал с ней какую-то связь?»

«Никаких связей, тетушка! Просто я знаю, что она хорошо разбирается в музыке, и...»

«Полно, Роджер, не говори о том, чего не понимаешь».

* * *

На следующий день Роджер снова обедал в компании Мэдок Розвин. Судя по всему, ей нравилось быть в обществе Роджера и, выходя из ресторана, она взяла его под руку.

Они летели над океаном в аэромобиле. Роджер неожиданно выпалил: «Мы знакомы всего два дня, но у меня такое чувство, будто мы знаем друг друга... честно говоря – два дня».

Мэдок Розвин рассмеялась: «Роджер, ты мне нравишься. С тобой легко и беззаботно. Ты ничего от меня не требуешь... Когда ты уходишь, мне тебя не хватает».

Роджер нервно глотнул воздух и решил галантно принести себя в жертву: «К чертовой матери космическое турне! Я предпочел бы остаться с тобой. По сути дела... давай поженимся!»

Мэдок Розвин печально покачала головой: «Если из-за меня ты пропустишь чудесную космическую экспедицию, ты станешь меня ненавидеть. Возможно, не сразу – но мало-помалу ты начнешь раздражаться и нервничать, и в конце концов не сможешь меня выносить. Я видела, как это бывает с другими... Ни в коем случае не хочу препятствовать твоим планам. Отправься в космос, а я буду жить, как прежде».

«Если бы только тетушка Изабель не была такой упрямой старой каргой! – страстно воскликнул Роджер. – Мы могли бы полететь вместе!»

«О, Роджер! Это было бы чудесно! Но этому не бывать».

«Бывать! Вот увидишь! Я все устрою!»

«О, Роджер – я в тебя верю!» – она обняла его за шею и поцеловала. Роджер включил автопилот, но Мэдок уже отодвинулась: «Роджер, веди себя прилично. Ты слишком легко возбуждаешься...»

«Так ты выйдешь за меня замуж?»

Мэдок Розвин задумалась, капризно сложив губы трубочкой: «Не выйду, если мы слишком скоро расстанемся».

Роджер воздел руки к небу: «Какое значение имеют чьи-то космические гастроли? Я могу остаться дома».

«Ну что ты, Роджер – мы уже обсуждали этот вариант».

«Правда, я забыл. Значит, мы вместе полетим на „Фебе“».

Мэдок Розвин тоскливо улыбнулась: «Твоя тетка занимает очень твердую позицию по этому вопросу».

«Предоставь это мне, – заявил Роджер. – Я знаю, как справиться со старой дурой».

* * *

Леди Изабель пребывала в хорошем настроении. Сэр Генри Риксон, Андрей Сцинк и даже Эфраим Цернер, знаменитый вагнерианский бас, согласились войти в состав труппы, отправлявшейся гастролировать на «Фебе», и теперь можно было без труда завербовать других музыкантов, пользовавшихся не менее высокой репутацией.

Роджер стоял поодаль и слушал, как сэр Генри делился соображениями по поводу оркестра: «Придется кое в чем пойти на компромисс – разумеется, было бы абсурдно ожидать, что в космос с нами отправится оркестр, состоящий из ста двадцати музыкантов. Кроме того, как вы знаете, я считаю, что небольшой оркестр лучше приспосабливается к намерениям дирижера и чаще производит желаемый эффект. Таким образом, с вашего разрешения, я буду выбирать оркестрантов на этой основе».

Сэр Генри Риксон вскоре удалился. Леди Изабель посидела минуту в задумчивости, после чего позвонила, чтобы подали чай. Повернувшись к Роджеру, она спросила: «Ну? Как тебе понравился сэр Генри?»

«Впечатляющая личность! – отозвался Роджер. – Идеальный дирижер космического оркестра!»

Леди Изабель сухо усмехнулась: «Рада заручиться твоим одобрением!»

«Надеюсь, наша поездка окажется очень интересной».

Появился Холкер, толкая перед собой тележку с чайным сервизом. Леди Изабель решительными движениями налила две чашки чая: «Как я уже упоминала, Роджер, я не собираюсь брать тебя с собой. Зачем мне бесполезный балласт?»

«Не вижу, почему мне следует отказывать в таком развлечении, – проворчал Роджер. – Вы наняли достаточное количество послушных паразитов, заглядывающих вам в рот при каждом слове...»

«Пожалуйста, не называй этих людей паразитами, Роджер. Они – музыканты».

«Паразиты, музыканты – какая разница? Обитателям далеких планет все равно».

«Неужели?» – с опасной мягкостью спросила леди Изабель.

«А как еще? Весь ваш проект – сумасбродная канитель. Инопланетные существа нам совершенно чужды, абсолютно с нами несовместимы. Каким образом, во имя семи муз и всего святого, смогут они оценить какую-нибудь музыку, не говоря уже о классической опере? Советую отменить всю затею, пока не поздно, и сэкономить таким образом кучу денег».

И снова леди Изабель отозвалась ледяной усмешкой: «Иногда, Роджер, твои разглагольствования начинают напоминать напыщенную проповедь. Меня особенно впечатлило то обстоятельство, что ты воззвал к музам. Однако, красноречиво выступая в защиту моего кошелька, ты упускаешь из вида некоторые факты. Например, как ты объясняешь невероятный успех „Девятой труппы“ на Земле?»

Роджер прихлебывал чай: «Ну, скажем... они очень похожи на людей».

«В Галактике обитают сотни разумных рас, похожих на людей», – спокойно заявила леди Изабель.

Роджер вспомнил о своей основной цели. Нахмурившись, он внимательно изучил чашку, после чего медленно кивнул: «Что ж, вполне может быть, что вы правы. Несомненно, ваша экспедиция окажется любопытным экспериментом, и кому-то придется вести дневник, подробно описывая события». Роджер поднял голову, словно пораженный внезапной мыслью: «Я хотел бы этим заняться! Вернувшись на Землю, мы сможем опубликовать такой дневник, документирующий гастроль. С фотографиями и звуковыми иллюстрациями... Вы могли бы написать предисловие...»

Леди Изабель начала было говорить, но тут же остановилась. Наконец она сказала: «Ты считаешь, что мог бы взять на себя такую обязанность?»

«Конечно! Вы же знаете, у меня прирожденный талант к болтовне как в устном, так и в письменном виде».

Леди Изабель вздохнула: «Хорошо, Роджер. Я вижу, ты решительно намерен сопровождать меня в поездке. Похоже на то, что придется тебе уступить».

«Благодарю вас, тетушка Изабель!»

«Рекомендую тебе срочно заняться изучением истории развития „большой оперы“. Постарайся также привить себе хоть какое-нибудь представление о хорошем вкусе. Представь себе, каким посмешищем ты станешь, если обитатель далекой планеты продемонстрирует более глубокое понимание земной музыки, чем молодой болван с Земли!»

«Не беспокойтесь по этому поводу», – заметил Роджер. Леди Изабель тут же бросила на него исполненный подозрений взгляд – неопределенность ответа племянника заставила ее усомниться в принятом решении.

«Пожалуй, мне следует сейчас же просмотреть программу гастролей, – поторопился успокоить ее Роджер, – чтобы я мог заняться изучением репертуара».

Леди Изабель молча передала ему распечатанный проект программы. Роджер внимательно прочел его и поднял глаза с выражением скорбного изумления: «Некоторые из этих миров едва известны!»

«Составляя расписание, мы вынуждены руководствоваться сведениями о местонахождении тех планет, где можно рассчитывать на радушный прием и заинтересованность публики.

Видишь ли, Роджер, вопреки твоим представлениям, мы люди ответственные и практичные. В наши планы не входит исполнение „Валькирии“ под водой для колонии разумных полипов – или что-нибудь в этом роде. Тебе следовало бы доверять, хотя бы в какой-то степени, опыту специалистов».

«В самом деле! – Роджер снова наклонился над программой. – И какой же из этих миров – лучезарная и непревзойденная планета Рлару?»

«Научись сдерживать сарказм, Роджер – твое назначение на должность протоколиста труппы еще не утверждено окончательно. А в том, что касается планеты Рлару, капитан Гондар в свое время предоставит информацию о ее координатах. У него есть уважительные причины для того, чтобы хранить эти сведения в тайне, пока „Феб“ не покинет Землю».

«Возможно, возможно, – недоверчиво бормотал Роджер. – На вашем месте, однако, я заручился бы гарантией того, что этот подозрительный тип, Гондар, не исчезнет вместе с кораблем, бросив нас в каком-нибудь закоулке Галактики. И это не сарказм, а беспристрастный здравый смысл».

Терпение леди Изабель начинало истощаться: «Я полностью доверяю капитану Гондару. Кроме того, я контролирую весьма существенную денежную сумму, которую он должен будет получить по окончании гастролей. Наконец, если тебя обуревают нелепые опасения по поводу возможности такого развития событий, тебе не следует рисковать своей шкурой – оставайся на Земле».

«Меня прежде всего беспокоят безопасность труппы и успех предприятия, – возразил Роджер. – Естественно, я пытаюсь предусмотреть любую возможную катастрофу».

«Я уже предусмотрела все необходимое. А теперь прошу меня извинить – мне нужно просмотреть корреспонденцию и внести изменения в распределение помещений на борту, чтобы куда-нибудь тебя пристроить».

«О, нам не потребуются дополнительные удобства! – с нахальной скромностью заявил Роджер. – Моя секретарша сможет работать в кабинете Бикеля – он ему все равно не понадобится – а в том, что касается спальных мест... что ж, нам подойдет любая каюта».

Леди Изабель с изумлением уставилась на племянника: «О чем ты говоришь? Ты в своем уме? Если под „секретаршей“ ты подразумеваешь лукавую молодую особу, которую я встретила в космическом порту, тебе придется решительно отказаться от намерения взять ее с собой».

«Мэдок – профессиональная секретарша, – настаивал Роджер. – Кроме того, она – моя невеста».

Леди Изабель отозвалась беспокойными движениями рук, не находя слов для невыразимых чувств. Наконец она сказала: «Ты не понимаешь самых простых вещей. Мы отправляемся в серьезную экспедицию в сопровождении лучших специалистов, преданных артистическим идеалам. Нашу поездку ни в коем случае нельзя рассматривать как идиллическое любовное приключение».

Позднее, тем же вечером, Роджер вызвал Мэдок Розвин по видеофону и сообщил ей неприятные новости. Уголки ее прелестных губ скорбно опустились: «О, Роджер! Какая жалость! Как по-твоему, она передумает?»

«Вряд ли. По какой-то причине она... как бы это выразиться... не то, чтобы проявляет антипатию...»

Мэдок Розвин кивнула: «Женщинам я никогда не нравлюсь, так уж повелось. Почему? Не могу сказать – я, кажется, не флиртую и не пытаюсь привлечь к себе внимание...»

«Потому, что ты – неотразимая красавица, – подвел итог Роджер. – Не могу поверить, что ты согласилась выйти замуж за такого ничем не выдающегося человека, как я».

«Не знаю, что я буду делать, если ты уедешь, – вздохнула Мэдок Розвин. – Наверное, переселюсь в Париж: там у меня остались кое-какие друзья, с ними не соскучишься».

«Я останусь дома – к дьяволу идиотскую экспедицию! – бушевал Роджер. – Мне все равно, пусть они...»

«Нет, Роджер, ты же знаешь – из этого ничего не получится».

«Тогда – назло всем и всему! – ты полетишь со мной, даже если мне придется протащить тебя зайцем!»

«О, Роджер! Ты не посмеешь!»

«Еще как посмею! Я – самый дерзкий нарушитель инструкций богатых старых дур в населенной гуманоидами части Вселенной! И если ты мне не веришь, я сейчас же завалюсь к тебе на квартиру и заставлю тебя поверить!»

«Я тебе верю, Роджер – но что с нами за это сделают?»

«За что?»

«За то, что ты протащишь меня зайцем на корабль».

Роджер колебался: «Ты не шутишь?»

«Нет».

Роджер глубоко вздохнул: «Хорошо, так тому и быть».

5

«Феб» уже два часа находился в космосе. Певцы и оркестранты сгрудились на обзорной палубе, довольно-таки тоскливо глядя на уменьшающуюся Землю. Леди Изабель оставалась у себя в каюте – ходили слухи, что она страдала от космической болезни; справедливость этих слухов подтверждалась частыми посещениями ее каюты корабельным врачом, доктором Шандом.

Адольф Гондар – отныне капитан Гондар – проводил время в рубке управления вместе с Логаном де Апплингом, представительным молодым астронавигатором. Роджера Вула видели в нескольких различных отсеках корабля. Его бледность и чрезвычайную нервозность объясняли приступом космической болезни. Бернард Бикель расхаживал туда-сюда, отвечая на вопросы, успокаивая исполнителей, охваченных тревогой, и в целом поддерживая боевой дух театральной труппы, тогда как сэр Генри Риксон инспектировал оркестровые инструменты; он опасался, что вибрация корабля на взлете могла нанести им ущерб – особенно двум концертным роялям.

Через некоторое время объявили о том, что в салоне впервые подают ленч – само собой, блюда предлагались без церемоний, в товарищеской обстановке, так как салон корабля напоминал не более чем кафетерий скромных размеров. Заметив, что Роджер уже второй раз загружает поднос закусками, буфетчик весело воскликнул: «Вот у кого здоровый аппетит! Того и гляди, поправится!»

Роджер покраснел. «Я проголодался», – торопливо обронил он и скрылся с подносом в руках.

«Обидчивый парень! – заметил буфетчик, обращаясь к ударнику, Джорджу Джеймсону. – Надеюсь, на борту немного таких недотрог».

«Это племянник леди Изабель, – отозвался Джеймсон. – Он у нее постоянно на поводу – неудивительно, что его все раздражает»

«Не пойму, как в нем помещается вся эта жратва, – почесал в затылке буфетчик. – Он не выглядит обжорой».

Когда наступило время ужинать, прожорливость Роджера снова не прошла незаметной. «Смотри-ка! – удивился официант. – Этот тип то и дело выносит поднос из зала! Он что, устроил себе где-нибудь склад провианта?»

В следующий раз Роджер проявлял осторожность, но буфетчик скоро заметил, что он складывает закуски в припрятанный мешочек.

Через два часа подобострастный официант сообщил Роджеру, что с ним желает немедленно поговорить леди Изабель.

Тяжелыми шагами Роджер направился в каюту тетки. Ее строгое лицо приобрело оттенок овсяной каши в связи с приступом космической болезни. «Садись, Роджер! – сказала она. – Мне нужно тебе сказать несколько вещей. Прежде всего позволь заметить, что из всех человеческих недостатков самым презренным я считаю неблагодарность. Я достаточно ясно выражаюсь?»

«Если понимать ваши слова как обобщенную формулировку – да, достаточно ясно».

«В частности, я имею в виду присутствие твоей так называемой „невесты“ на борту корабля». Леди Изабель предупреждающе подняла руку: «Не прерывай меня! В прошлом я проявляла к тебе расположение и собиралась оставить тебе в наследство существенную долю состояния. Последние известия о твоём поведении, однако, заставили меня изменить свои намерения. Больше мне нечего сказать – кроме того, что в ближайшем порту, где мы остановимся, на планете системы Сириуса, эта женщина будет удалена с корабля».

«Тетушка Изабель! – в отчаянии воскликнул Роджер. – Все совсем не так, как вы себе представляете! Позвольте мне объяснить!»

«Факты говорят сами за себя. Капитан Гондар уже задержал твою любовницу, и, насколько я понимаю, устроил для нее нечто вроде тюремной камеры в одном из грузовых отсеков. Тебе повезло, что он еще не арестовал тебя самого. А теперь оставь меня! К своему стыду, вдобавок к омерзительной космической болезни, я должна еще выносить бесстыдные выходки племянника!»

«Позвольте сделать одно последнее замечание, – холодно произнес Роджер. – Мэдок – не моя любовница. Она – моя невеста. Несмотря на то, что я прилагал все усилия, чтобы сделать ее своей любовницей. Но она наотрез отказывается позволить мне нечто большее, чем поцелуй в щеку, до тех пор, пока мы не поженимся – надеюсь, это произойдет достаточно скоро. Если вам так приспичило, можете высадить нас обоих на планете Сириуса, но избавьте меня от ханжеских нравоучений. Я слышал о ваших похождениях в те времена, когда вы были на пятьдесят лет моложе; по сравнению с ними то, что мисс Розвин удалось проникнуть зайцем на борт корабля – сущий пустяк!»

«Пошел вон, наглый щенок!» – закричала леди Изабель гортанным хриплым голосом, свидетельствующим о чрезвычайном накале чувств.

Роджер вышел из каюты. Опустив голову, он брел по коридору. Изгнан! Лишен наследства! Опозорен! Он вздохнул. Какая разница? Нежная привязанность со стороны Мэдок Розвин служила достаточным возмещением. Роджер направился в рубку, чтобы поговорить с капитаном Гондаром, и, к своему удивлению, обнаружил там Мэдок Розвин, тихонько сидевшую на скамье. Когда Роджер вошел, она подняла голову, но тут же опустила ее. Она выглядела такой беспомощной, отчаявшейся и растерянной, что Роджер едва удержался от того, чтобы сразу броситься к ней и утешить ее. Но он повернулся к Гондару – в темной униформе капитан казался задумчивее и мрачнее, чем когда-либо.

«Насколько я понимаю, моя тетка поручила вам задержать мисс Розвин?» – спросил Роджер.

«Так точно, господин Вул».

«Не позволите ли вы мне обменяться с ней несколькими словами наедине?»

Ответ капитана вызвал у Роджера некоторое недоумение: «Разве вы еще не достаточно нашкодили?» Удлиненное худощавое лицо капитана исказилось гневным напряжением. Но затем Гондар пожал плечами: «Если мисс Розвин пожелает с вами говорить, у меня, разумеется, не будет никаких возражений».

Мэдок Розвин смотрела на капитана со странным выражением, приводившим Роджера в замешательство – она словно умоляла его о чем-то. Капитан Гондар резко отвернулся и отошел в сторону. Мэдок встала и последовала за Роджером в коридор. Он попытался взять ее за руки, но она отшатнулась: «Будьте добры, господин Вул – скажите все, что вы хотите сказать, после чего...»

«Дорогая моя! – развел руками Роджер. – Что случилось?»

«Что случилось? – девушка горько рассмеялась. – Из-за вас я попала в беду! Ваши клеветнические измышления... удивительно, что от моей репутации еще что-то осталось!»

«Ничего не понимаю! – проблеял Роджер. – Я просто-напросто...»

«Вы просто-напросто устроили мне подлую западню, со мной еще никто никогда так не обращался! Хорошо, что теперь я знаю, на что вы способны – вам не удастся меня снова обмануть и сделать еще что-нибудь похуже! А теперь уходите, и никогда больше со мной не говорите! По меньшей мере, капитан Гондар позаботился о том, чтобы я могла спать в безопасности и не умерла с голоду!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.